

ВЕЧНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ

**КНИГА 2
РАССКАЗЫ**

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
В 39

Ответственный редактор Л. Капишевская

Дизайнер Д. Арнаут

Вечное возвращение. Книга 2: Рассказы / сост. Михаил Литов, Людмила
В 39 Толич. — М.: Знак. — 726 с.
ISBN 978-5-9551-0764-6

В Книге 2 сборника произведений талантливых русских прозаиков 20—30-х годов XX века представлены рассказы авторов, чьи повести опубликованы в Книге 1, а также тех, кого мы представляем впервые.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Во всех произведениях сохраняются грамматические нормы периода публикации (ред.)

ISBN 978-5-9551-0764-6

© Издательство «Знак», 2016
© М. Литов, Л. Толич, сост., 2016

Николай Зарудин

«ЧТО-ТО НЕВЕДОМОЕ ТВОРИЛОСЬ НА ЗЕМЛЕ»... *Глава из книги «Заметки читателя»**

Странный писатель Николай Зарудин, тревожный, путанный, темный даже в самых как будто ясных и выверено чистых порывах. У него путаница, положим, не расчетливая, но в том-то и штука, что он не останавливается на ее перепутьях, озадаченно почесывая, по нашему русскому обыкновению, затылок: вон чего я нагородил! – напротив, он всегда в смутном и воинственном возбуждении и, неуловимый в существе своего писательского образа, рисуется воображению каким-то варягом, который под сенью рюрикова мифа просочился из саговых древностей, обжился у нас, прижился, а как вздумал писать, так и сказался вдруг гостем. В предисловии к сборнику зарудинской прозы «В народном лесу» (1970) Валентина Дынник пишет: «Имя Николая Зарудина в тридцатые годы хорошо было известно любителям литературы. Но сейчас оно сохранилось в памяти только у самых старших поколений советских читателей. Они с грустной и нежной улыбкой порою вспоминают его стихи и прозу, от которых веяло какой-то особенной свежестью мысли и чувства, словно его творчество – порыв весеннего ветра, несущего с собой все запахи обновленной земли». Похоже, эта грустная и нежная улыбка старшего поколения толкает

* Книгу «Заметки читателя» Михаил Юрьевич Литов вдумчиво и терпеливо писал на рубеже столетий – с этой удобной позиции бросал прощальные взгляды на прошлые века и осторожно присматривался к наступающему, XXI-му. Ред.

Дынник на женские подвиги трепетного и трогательного объяснения с покойным писателем. Тот в очерке «Старина Арбат», изображая возвращение вчерашних красноармейцев в Москву времен нэпа, пугался и пугал: «...мы не знали, куда девать свои огромные красные лапы», а она доверительно сообщает: «Николай Зарудин писал эти строки своей тонкой, бледной рукой. И писатель Зарудин не был неуклюж. Писатель Зарудин хорошо одевался – настолько хорошо, что одежда его была как-то незаметна, не бросалась в глаза, не отвлекала внимания от его красивого лица, от его изящного облика». Достигает взор очарованной исследовательницы и его «тонких городских ног, облеченных в щеголеватые клетчатые носки», – это о герое-журналисте рассказа «Спящая красавица», но Дынник без колебаний называет рассказ строго автобиографическим.

Итак, уже в семидесятые годы прошлого столетия имя Зарудина хранилось в памяти «только у самых старших поколений советских читателей». А почему? Писателю нечего было и рассчитывать на большее? И где теперь те «самые старшие поколения»? Мы вспоминаем о них «с грустной и нежной улыбкой». А кто вспоминает о писателе Николае Николаевиче Зарудине?

Или вот еще смотрите, какая штука. Как мы сообщили выше, в предисловии к сборнику прозы Неверова критик Страхов уверенно заявил, что его «Ташкент – город хлебный» народ принял и полюбил навсегда, а тут, в предисловии к сборнику Зарудина, критик Дынник прямо начинает с элегического и смиренного, не грозного, не обвиняющего совсем, заверения, что ни прозаических, ни поэтических творения этого самого Зарудина никто уже практически не помнит. Разве что старцы некие да старушки, но ясно же Дынник, что недолго осталось им тешить себя воспоминаниями. А периода, между прочим, оба критика касаются одного: Страхов писал в 1973 году, Дынник в 1970-м, – стало быть, с опорой на один и тот же народ высказывали критики свои соображения, с заглядыванием в одни и те же недра народной памяти. И результаты должны были, в общем-то, получиться схожие, если только, конечно, исследо-

вательницу в момент ее эксперимента с этим «аппаратом» не испугнуло что-то и она там, в таинственной глубине, не заметила краешком глаз что-нибудь ее ужаснувшее, а ее коллега, напротив, не испытал нечто вроде опьянения и восторга, повредившего научной достоверности его опыта. Но в одном случае народу приписывается хорошее, добротное, вечное запоминание писателя, а в другом – быстрое и как бы невинное, почему-то, ну, скажем, само собой, случившееся забвение. Нам скажут: так ведь о разных писателях говорится, и так оно и бывает, что одного писателя запоминают навсегда, надолго хотя бы, а другого быстро и прочно забывают. На это возражаем: так быть не должно, когда речь идет о равных по силам писателях. Более того, мы, исходя из нынешней ситуации и опираясь на собственное представление о народной памяти, все-таки позволим себе высказать предположение, что и тогдашним, семидесятым годов, поколениям не слишком-то вняты были эти писатели, Неверов и Зарудин, а в указанных предисловиях происходит тот фокус, что Страхов решил взглянуть на дело оптимистически и, пожалуй, даже выдал желаемое за действительное, а Дынник пожелала некоторым образом пустить слезу о бренности всего земного. И не в несопоставимости достоинств этих писателей дело, а в том, что критики, написавшие о них вступительное слово, прислушивались и присматривались не к истинному положению дел, а к собственным пожеланиям, и общего между этими критиками то, что оба говорили первое, что им взбрело на ум. Если же допустить, что в те годы, когда писали Страхов и Дынник, у Зарудина не было уже никакой славы, а у Неверова была слава почти даже великая, поскольку народ, как уверяет Страхов, полюбил его повесть навсегда, то с Зарудиным нам теперь может быть все понятно, в том смысле, что с ним все обстоит по-прежнему, зато в отношении Неверова у нас могут в естественном порядке возникнуть определенные недоумения, а именно вопрос, куда же подевалась эта его будто бы надежная слава и как же это народ разлюбил, даже до забвения, его повесть.

Но это так, между прочим, замечание по случаю. Николай Николаевич Зарудин родился в 1899 году, в Пятигорске, в

семье горного инженера Николая Эдуардовича Эйхельмана, потомка обрусевших немцев, который в 1914 году, едва началась война, из патриотических побуждений переименовал фамилию на Зарудин. В изданной в 2005 году томским издательством книге «Погаснет жизнь, но я останусь» ее автор Глеб Глинка, некогда советский писатель, а после Великой Отечественной – эмигрант, сообщает, что «бытовой уклад в доме Зарудиных, несмотря на протест против своего германского происхождения, носил явные следы старых немецких традиций». Н. Н. Зарудин, выбившись в литераторы, жил сыто и весело. «Он не любил говорить о гонорах, но никогда не испытывал нужды в деньгах. Во время продовольственного кризиса 1930-32 годов из всех перевальцев он первым был прикреплен к самому лучшему закрытому распределителю «Литер А». И еще так об одном из лучших писателей литературного содружества «Перевал» пишет бывший перевалец: «...не имея законченного образования и не утруждая себя изучением каких бы то ни было источников, кроме своих непосредственных впечатлений, так же, как Пильняк, питался преимущественно багажом всевозможных энциклопедических словарей. Он насыщал свои рассказы и особенно свой роман («Тридцать ночей на винограднике» – М. Л.) неожиданной и легковесной эрудицией, что, разумеется, отяжеляло и засоряло местами действительно яркую и свежую прозу». «Из всего Достоевского, и то лишь по настоянию друзей, Зарудин прочел «Село Степанчиково». Был в полном восторге, но дальше дело не продвинулось».

К обрисовке Глинкой образа Зарудина мы еще вернемся, а пока продолжим пересказ биографии этого писателя, как она вычитывается из разных предисловий и справочников. Закончив в 1917-м нижегородскую гимназию, Николай Николаевич очень скоро оказался в рядах воюющей армии красных. Первая книга его стихов, «Снег вишенный», вышла в Смоленске в 1923 году, вторая, названная им «Полеюностью», в 1928-м в Москве. Затем следует обращение к прозе. Небольшие повести собраны в книге «Страна смысла» (1934), а годом ранее увидел свет его замечательный роман «Тридцать ночей на винограднике», в котором, по

словам Глинки, в завуалированном виде отражены «споры о диктатуре пролетариата и о путях социализма». Повесть «В народном лесу» опубликовал в 1936 году «Новый мир». В 1937-м Зарудина, как и многих других участников группы «Перевал», безвозвратно поглотила сталинская репрессивная машина.

Его проза перенасыщена, сумбурна, нередко чересчур цветаста, это сшибка ассоциаций, порой, казалось бы, далеко друг от друга отстоящих, сочетание самых разнородных, как бы наспех возникающих ощущений и смыслов, молниеносных, не успевающих стать клиническим случаем галлюцинаций и пространных воспоминаний, невнятных строителей мифического и неизвестно к кому обращенных заклинаний. Тут выпишем из воспоминаний Глинки довольно внушительный кусок текста: «Все же, несмотря на заимствования и подражания, Николай Николаевич был в достаточной степени самобытен. Он по-своему воспринимал мир, в его произведениях, особенно в прозе, чувствовалась собственная поступь и собственное поэтическое дыхание.

Молодой ленинградский писатель Куклин на вопрос о том, какое впечатление произвел на него Зарудин, ответил так:

– Что же, писатель он, конечно, талантливый, яркий. Много блеска, а в общем «искры гаснут на лету».

Подобная характеристика всех литературных порывов Николая Николаевича была столь же беспощадной, сколь исчерпывающей. Но невольно хочется добавить, не в защиту или оправдание, а единственно для полноты общей картины, что хотя искры действительно гасли на лету, но среди мрака окружавшей его дешевой литературщины и казенной скуки цыганский костер этот все же пылал настолько горячо и живописно, что для неопытного глаза мог казаться подлинным маяком».

Хорошо, продолжим наблюдать за писателем Зарудиным неопытным глазом, и пусть он кажется нам подлинным маяком. Но прежде скажем несколько слов о самом Глинке. Входящий в литературную группу «Перевал», едва ли не в полном составе перекочевавшую в чекистский застенок и

сгнувшую в лагерях или расстрелянную в подвалах, Глеб Александрович Глинка (1903-1989), потомок знаменитого дворянского рода, жил в ожидании ареста, а дождался войны. Его призвали в «ополчение», и уже в 1941 году он оказался в немецком плену; дома его считали погибшим, а он после войны жил в Европе и США, занимался литературой, сочинял стихи и рассказы, написал книгу «На перевале», в которой, описывая, как указывается в подзаголовке, «уничтожение литературной независимости в СССР», дал яркие портреты всех главных перевальцев. Если в отношении главенства в «Перевале» критика Воронского у Глинки нет ни малейших сомнений, то лишь заходит речь о Зарудине, значительность роли которого в этой группе тоже была вполне очевидна, он начинает странно мяться и прибегать к оговоркам: «В советской литературной общественности всякое упоминание о литературном содружестве «Перевал» невольно влекло за собою прежде всего имя Александра Константиновича Воронского и тут же Николая Николаевича Зарудина. Происходило это совсем не потому, что Зарудин был лучшим писателем содружества. Его художественная проза была хаотична и безудержна. Во всех его писаниях ему недоставало чувства меры. В стихи он попросту никак не мог поместиться. И в поэтических опытах своих напоминал оратора, которому ограничили время, а сказать хочется еще очень и очень многое. В то же время Зарудин был несомненно самым ярким человеком в «Перевале»». Вслед затем Глинка говорит об «исключительной страстности и многогранной талантливости» натуры Зарудина и умозаключает, что он «был основной, ведущей фигурой среди художников «Перевала» и как никто другой с полным правом мог бы сказать о себе: «Перевал» – это я»».

В общем, лучшим писателем группы отнюдь не был, а «ведущей фигурой» был вполне. И «Перевал» – это он, Зарудин. Но если Николай Николаевич – лицо содружества «Перевал», а сам при этом таков, что лишь неопытному глазу может показаться подлинным маяком, то что же это за содружество такое и стоит ли вообще говорить о нем? И вспоминать о нем приходится лишь в той связи, что среди

«дешевой литературщины и казенной скуки» того времени оно, это содружество, пылало наподобие цыганского костра? Но ведь тут явная ловушка. Мы, допустим, поверим в силу этого костра, побежим, чтобы погреться возле него и послушать, что там толкуют люди, устроившие его, а уже на полпути нам скажут, что мы простодушные чудаки, и глаз у нас неопытный, и поверили мы маяку, который только неучам и непосвященным вроде нас может показаться подлинным. Какие-то, прямо сказать, несообразные перспективы...

Но оставим эти пустые недоумения. Поделемся вот каким соображением: неслучайно, наверное, пристрастие Зарудина к сдвоенным словам, которые условностью своего союза частенько, что называется, выпирают из строки. Прозу его, в лучших ее проявлениях, можно уподобить картине, лишенной рамы и даже холста, зависшей в воздухе щедрой густотой мазков, угловатых и резких, постоянно меняющих форму и отнюдь не уклоняющихся от взаимного поглощения. Буйство красок, неистовство цветовых гамм, в котором неожиданно простыми и четкими чертами проступает «рисунок» содержания, похожий на обман, поскольку не покидает ощущение, что как раз до содержания, до неких смыслообразующих основ в зарудинских стихах в прозе добраться очень и очень нелегко. Удивляемся попутно, отчего же это яркость звезд «жертвенна», а ветлужские осины в небо тянутся «оливково», но и сам автор уже в недоумении роняет: «Что-то неведомое творилось на земле».

Неведомым в рассказе «Чувство жизни» становятся и чувства, и жизнь, и лес, и проносящийся по нему фиалковый запах, о котором мимоходом вплетенная в повествование безымянная девушка сказала: «Теплый ангел пролетел!». Чтобы попасть в этот лес, «мы плыли по Волге на плотках с близкими товарищами, в апреле, ближе к Ульяновску», и тут же сразу, без разъяснения о товарищах и прочих пассажирах: «Целая деревня плыла на плотках, две кошевые набиты были народом – не хватило их, народ ютился по шалашам, – одних якорей и лотов была целая тысяча пудов». Что же это за массовый исход такой? Уж не о выселенных ли, о согнанных с предназначенных к затоплению мест речь? У героя

рассказа в лесу свой роковой «фиалковый» вопрос, поиски «теплого ангела», как бы невзначай помянутого девушкой, а у дотошного читателя отнюдь не пустяковые соображения насчет плывущего куда-то, ютящегося по шалашам народа. Знает он, например, – и слышал о подобных вещах, возможно, и писатель Зарудин, – что обитатели старинной Мологи, обреченной стать дном Рыбинского водохранилища, на скатанных из бревен их разобранных домов плотам сплавливались вниз по Волге к местам их нового жительства. А еще, как гласит сохранившийся чекистский документ, начальник Мологского отделения лагпункта Волголага лейтенант госбезопасности тов. Складов рапортовал начальнику Волгостроя-Волголага НКВД СССР майору госбезопасности тов. Журинову, не стесняясь своей косноязычности: «В дополнение к ранее поданного мною рапорта докладываю, что граждан, добровольно пожелавших уйти из жизни со своим скарбом при наполнении водохранилища, составляет 294 человека. Эти люди абсолютно все ранее страдали нервным расстройством здоровья, таким образом, общее количество погибших граждан при затоплении города Мологи и селений одноименного района осталось прежним – 294 человека. Среди них были те, кто накрепко прикрепляли себя замками, предварительно обмотав себя к глухим предметам. К некоторым из них были применены методы силового воздействия, согласно инструкции НКВД СССР». Но это так, к вопросу о времени, в котором выпало жить писателю Зарудину, а рассказ его вообще-то о другом.

В повести «Снежное племя» Зарудин изображает переселенцев-чувашей, сколотивших колхоз «Просвет», – назвать «Рассветом» не решились. Председатель сбежал, прихватив кассу. Более или менее случайным посетителям предстает картина дремучего, едва ли не первобытного быта: «Жилье лежало, зарывшись в сугробы и обледеневший конский навоз. Сугробы равняли низкие дерновые крыши... ..У стола, казавшегося просаленным насквозь, ужинали. Народ прижился всюду: полуголые дети лежали и сидели под самым потолком, на каких-то досках, пристроенных неведомо как. Худые, плоские девки тянулись у печки. Желтолицая баба в